

УДК 94(478)+811.161+811.135.2
DOI: 10.17223/19986645/42/7

С.Г. Суляк

О ЯЗЫКЕ СЛАВЯНО-МОЛДАВСКИХ ГРАМОТ XIV–XVII ВВ. (К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА)

В статье представлен краткий обзор изучения языка господарской канцелярии Молдавского княжества. Большинство исследователей придерживалось мнения, что языком молдавской средневековой дипломатики был западнорусский (южнорусский). Автор приходит к выводу, что в основу официального языка Молдавии с момента ее образования (вторая половина XIV в.) до начала XVIII в. лег язык русинов – коренного населения Карпато-Днестровских земель. Он оказал большое влияние на развитие молдавского языка.

Ключевые слов: Молдавия, Румыния, Галицкая Русь, дипломатика, официальный язык, русины, русинский язык.

Первыми местными письменными источниками по истории молдавского средневекового государства являются феодальные грамоты и акты. Имеется в виду следующий актовый материал: грамоты, жалованные, купчие, меновые, духовные, вкладные, деловые, или раздельные, межевые, несудимые, правые, тарханные, или льготные, описи движимого и недвижимого имущества в феодальных хозяйствах, уставные грамоты («оуставничества», или «листы глейтованные»), кабальные записи, или заемные закладные кабалы, договоры, заключавшиеся молдавскими господарями с властями других стран; господарские грамоты и указы о сыске и возврате беглых крестьян и холопов их прежним владельцам и т.д. [1. С. 43–44].

Число копий грамот, договоров и прочего материала, относящегося только ко второй половине XV в., превышает три тысячи [2. С. 18].

Письменные источники средневековой Молдавии представляют ценность для изучения не только истории, политического устройства, социально-экономических отношений, топонимии, антропонимии, но и культуры, официального языка, который неразрывно связан с разговорной речью.

Еще в 1905 г. бессарабец А.И. Яцимирский (1873–1925), русский славист, подчеркивал, что валашские и молдавские грамоты, написанные на славянском языке, имеют важное значение для изучения культуры княжеств, причем таких грамот насчитывается несколько тысяч, «валашских грамот почти вдвое меньше, чем молдавских» [3. С. 49].

Церковным и официальным языком Валашского (1310 г.) и Молдавского (1359 г.) княжеств с момента их образования до начала XVIII в. оставался славянский.

История изучения валашских и молдавских грамот и их языка начинается с первой половины XIX в.

Первым был русский ученый, выходец из Подкарпатской Руси Ю.И. Венелин (Гуца¹) (1802-1839). Венгерский комитат Берег, где родился Ю. Венелин, располагался в северной части Венгерского королевства, соседствовал с комитатом Мараморош (Марамуреш), откуда началась волошская колонизация Карпато-Днестровских земель. Ныне большая часть двух комитатов входит в Закарпатскую область Украины (в частности, 3/5 Марамороша) [4. С. 108, 132, 245]. В 1840 г. были опубликованы с разъяснениями собранные им «Влахо-болгарские, или Дако-славянские, грамоты» О языке славяно-молдавских грамот XIV–XVII вв. (в историографии вопроса) – работа, написанная в 1832 г. [5].

История изучения языка средневековых валашских текстов и частично молдавских изложена советским славистом С.Б. Бернштейном (1911–1997) [6. С. 21–79].

Анализируя тексты грамот XIV–XV вв., он отмечал, что славянские говоры Валахии, как признают многие объективные исследователи, принадлежали к той же группе говоров, которые объединены как болгарские, о чем «свидетельствуют топонимия, лексические славянские элементы в говорах Валахии и их фонетические признаки, весь старый быт валашской деревни». Также он указывает, что славянские говоры Молдавии были иного происхождения [6. С. 18–19]. С. Бернштейн напоминает, что в связи с турецким завоеванием с конца XIV столетия на Балканах произошло перемещение культурных центров. Болгария утратила свое значение. Появляется новый культурный центр в Восточной Сербии – в Ресаве. Книжная деятельность на славянском языке начинает быстро развиваться и в Придунайских княжествах, прежде всего в Валахии, которая ранее носила исключительно местный характер и была провинциальной [6. С. 21–22]. Причем язык древнейших грамот Валахии отличается от языка современных им грамот болгарских царей. Они передают особенности живого разговорного языка, чего нет в самих болгарских грамотах [6. С. 80–81, 101].

С. Бернштейн пришел к выводу, что валашские грамоты передают местные славянские говоры, генетически родственные болгарским. Валашские дьяки плохо знали деловой славянский язык, поэтому и писали на местном диалекте. Это подтверждается лексикой грамот, анализом фонетики и морфологического строя языка грамот. Все это, по мнению ученого, указывает на тесную связь валашского канцелярского языка с новоболгарским. Поэтому валашские грамоты являются драгоценным источником для изучения славянских народных говоров и для изучения истории болгарского языка [6. С. 77].

В канцелярском языке Валахии различаются три самостоятельных пласта: местный славянский, отражающий черты славянских говоров Валахии (генетически родственный болгарским [6. С. 77], книжный среднеболгарский как результат влияния валашской церковной письменности и книжный сербский, влияние которого становится особенно заметным с 30-х гг. XV в. [7. С. 39].

В валашских и молдавских грамотах имеются многие стилистические штампы, свидетельствующие, что подобные грамоты писались и ранее. Древнейшая славяно-валашская датирована 1342 г. Старшая из дошедших до

¹ Настоящая фамилия Венелина – Гуца произошла от этнонима «гуцул».

нас молдавских грамот датируется 1374 г. (принадлежит Югу Кориатовичу) [6. С. 64]. Большинство грамот написано на славянском языке, хотя есть грамоты на латинском, греческом, валашском, молдавском языках. Древнейшие валашско-славянские грамоты, как доказали румынские ученые, написаны на среднеболгарском языке, с некоторой примесью сербского. А их почерк схож с болгарскими грамотами [7. С. 244, 259, 262].

Штампы валашских и молдавских грамот отличны. Грамота валашского господаря Владислава Водицкому монастырю (под 1374 г.) начинается и заканчивается следующими словами (на единообразие начала и заключения обратил внимание в свое время Ю. Венелин [5. С. VII]: «Понеже, аз, иже в Христа Бога благоверный воевода Владислав, милостию Божия господин всей Угровлахии...

...аминь.

Ио Владислав, милостия Божиия господин» [8. С. 17–18].

Вскоре на место формы «Аз, иже в Христа Бога...» (либо «В Христа Бога...»), не всегда соблюдаемой, приходит новая (см. грамоту 1456 г.): «Милостию Божию Ио Владислав, воевода и господин всей земли Угровлахийской...

В заключении: «Ио Владислав, милостию Божия господин». Перед этим, кто писал, место и дата» [8. С. 196–197].

† Милостѣмъ Божѣмъ Іоу Владѣславъ воевода и господинъ въсѣмъ землямъ Оугровлахѣйсконъ, сынъ Дана великаго воеводе. Даватъ господство ми сѣе повелѣніе господства ми болѣеише господства ми жупанъ Могошъ съ сыновѣмъ мѣ и съ дѣщерѣмъ мѣ, колико мѣ Богъ дастъ сыновѣ или дѣщерѣ, тако да мѣ сѣтъ села по имѣ: Корѣмъ въсѣмъ, по Яргинъ долѣ, и Корѣмъ вът Каменъ въсѣмъ, и вчинѣ вът Мичаши и съ бродоу вът водѣнице и полъ вът Малѣрени, понеже сѣтъ жупанъ Могошъ старѣ и правѣ вчинѣ, дѣдинѣ.

Причем некоторое время эти две формы существуют параллельно.

В молдавских же грамотах изначально присутствовала другая форма. Вначале (см. грамоту 1392 г.) пишется:

«Великий самодержавный господин...» [9. С. 3].

† Велики самодержавныи г<осподи>и¹нъ, Іоу Романъ воевода Землѣ Молдавскоѣ вът планины до брегѣ морѣ, не нашѣмъ сына², Александромъ, и съ нашѣмъ сыномъ, и съ Богданомъ, и с нашѣмъ бояры. Чинимъ то вѣдомо оу сѣмъ добрымъ паномъ, ктожъ на сѣѣ листѣ оузрѣтъ или его оуслышитъ чѣтѣчи, вже тотъ слѣга нашъ, Тодоръ, и съ своею братнею, сыновѣ Бѣлого Драгомѣра: Дмитро, Петръ, Мнѣхано, Жюржъ слѣжили намъ не правою вѣрою и слѣжатъ и еще по нѣхъ болшее слѣжбы надѣемсѣ. Тѣ<м>¹, есми нѣхъ особною м<н>и<о>¹стѣ жаловали, дали есми нѣмъ а село оу нашѣмъ землѣ, оу Молдавсконъ, на Сочавѣ.

Позже (см. грамоту 1398 г.): «Милостию божию, мы...» [9. С. 10].

† М(н)л(о)стію б(о)жією, мы, Юга воевода, г(о)сп(о)д(а)ръ Земли Молдавскон. Знаемо чинимъ нашимъ листомъ, ѡснмъ добрымъ паномъ кто на нь ѡзрнтъ или его оуслншт(ъ), ѡже тѣмъ истыинн слѣга нашъ, панъ Бран, слѣжнлъ переже св(ѣ)тѡпочившимъ родителемъ нашимъ, а днесъ слѣжат(ъ) намъ правюю и вѣрною слѣжаю. Тѣмъ, мы, видѣше его вѣрнѡ слѣжеѡ, жаловали есмы его ѡсобною м(н)л(о)стію, дали есмы емѡ од<нно>¹ мѣсто, на Страхѡтиніе, емѡ, оурикъ, со ѡснмъ доходомъ, и днтемъ его, и оуиѡчатомъ его, и праднѡчатомъ его, и прашерѡтомъ его.

В конце грамот обязательно указывалось, кто писал, место (первое и второе не всегда) и дата.

Молдавскую дипломатику, как говорилось выше, начали изучать с первой половины XIX в. Ю. Венелин указал, что валашские грамоты написаны на «природном болгарском языке». Грамоты Молдавского княжества – «на южнорусском наречии». Исследователь отметил, что «грамоты XIV и XV веков чище в языке и лучше в правописании, нежели в XVI или XVII столетиях». Причинами он называет «водворение от ига и влияния турок невежества», численный перевес волохов в Валахии над болгарам и русскими, которые «постепенно оволошивались» [5. С. I]. Издание заключало 4 грамоты XIV в., 16 грамот XV в., 24 грамоты XVI в. и 22 грамоты XVII в. – валашские, молдавские и славянские грамоты императора Сигизмунда (сын чешского короля Карла IV) [6. С. 23]. Они были списаны Венелиным с подлинников, хранящихся в монастырях Бухарестской митрополии и в частных собраниях.

Сборник Ю. Венелина [8] был первым изданием молдавских и валашских грамот. Как отметил Ф. Грекул, на год раньше «Архива ромыняскѣ», выпускавшегося М. Когэлничану в Запрутской Молдове (в Яссах), и бухарестского «Magazinu istoricu pentru Dacia», первый том которого вышел в 1845 г. [2. С. 17; 1. С. 37].

В один год с работой Ю. Венелина появилось «Начертание правил валахо-молдавской грамматики, составленной Я. Гинкуловым», в котором автор указал, что «в отношении к количеству слов, составляющих язык романский, можно допустить следующую приблизительную пропорцию: от 4/10 до 5/10 слов в нем латинских, около 3/5 – славянских, остальные же заимствованы большею частью из языков: венгерского, турецкого и греческого». Также было отмечено отличие валашского наречия от молдавского (валахи употребляют больше слов латинских, венгерских, и «валашское произношение несколько грубее и принужденнее молдавского» [10. С. VIII–IX]).

В 1868 г. в «Летописи занятий Археографической комиссии 1865–1866» вышли «Грамоты угро-влахийские и молдавские XV–XVI вв.» Я.Ф. Головацкого (1814–1888), видного деятеля галицко-русского Возрождения. Опубликовано шесть жалованных господарских грамот (одна – валашская, пять – молдавских), одна – из архива магистратуры Львова, остальные – из собрания графа В. Баваровского во Львове с пояснениями некоторых слов [11].

Немало грамот увидело свет в «Записках Одесского общества любителей истории и древностей» благодаря Н.Н. Мурзакевичу (1806–1883), в свое время основавшему данное общество. Им были опубликованы 5 грамот с небольшими примечаниями в 1848 г., 15 грамот с небольшими примечаниями в

1853 г., 15 грамот в 1858 г. (из них 13 с небольшими примечаниями) и 3 грамоты в 1863 г. [12–16].

Российский историк В.А. Уляницкий (1855–1920) издал в 1887 г. «Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI вв.». Помещенные здесь документы «касаются отношений Польши. Литвы и Московского государства к Молдавии и частью Валахии, единственным балканским христианским княжествам, документальные следы политических отношений к коим этих государств за XI–XVI в. сохранились в Московском главном архиве» [17. С. III]. Этот труд востребован исследователями и в наши дни.

Большой вклад в изучение молдавских письменных источников внесли российские слависты бессарабцы А.А. Кочубинский (1845–1907), П.А. Сырку (1855–1905) и А.И. Яцимирский (1873–1925).

А. Кочубинский считал, что «не только политическое, но и духовное рождение северной половины румынской национальности (имеются в виду молдаване. – С.С.) свершилось при воздействии гения русского народа» [18. С. 508]. В статье «Лapidарные надписи XV ст. из Белгорода, что ныне Аккерман» он представил анализ надписей на камне в Белгороде во времена Молдавского княжества: славянской 1438 г. («правописание болгаро-румынское» (волошское. – С.С.)), «язык славянский, русского характера, но с окраской кое-где местной, румынской» (волошской. – С.С.)), греческой 1440 г. (в имени строителя Белгородской крепостной стены – Федорка, увенчавшего через два года постройку «великих врат», видит выходца из Галичины), славянской 1482 г. («язык того же характера, что и в славянских грамотах XV–XVI в. – славяно-русский, но с заметной грамматической небрежностью, как это ясно из текста самой надписи») [18. С. 520, 531–532, 540].

В другой своей работе «Частные молдавские издания для русской школы (библиографические заметки)», вышедшей в 1903 г., А. Кочубинский отмечал, что имеется немалое количество бессарабско-молдавских грамот XV–XVII вв. о пожалованных вотчинах. «Их так называемый славянский язык насквозь пронизан малорусскими элементами, может быть, даже иногда указан элемент гуцульский, т.е. восточногалицкий». Ученый обратил внимание на то, что в грамотах на села у среднего Днестра, в пределах нынешней молдавской этнографической территории, названия сел и урочищ около них «прегнантно-малорусские» [19. С. 396].

П.А. Сырку, изучая переписку валашских воевод с Сибинским и Брашовским магистратами, писал, что «от лингвиста, желавшего производить разыскания в области славянского языка грамот, изданных румынскими князьями (имеются в виду валашские и молдавские¹. – С.С.), требуется «основательное и детальное знание языков болгарского, сербского, малорусского, польского, румынского, венгерского, средневеково- и новогреческого, албанского и, наконец, турецкого языков, а также из истории, политической и культурной жизни этих народов» [20. С. XI].

¹ Молдавское княжество прекратило свое существование, объединившись с Валахией в 1859 г. в единое государство Объединенные княжества (с 1861 г. – Румыния), ставшее независимым в 1877 г. в ходе русско-турецкой войны. В связи с этим вопреки принципу историзма произошло «удревнение» этнонима «румын».

А.И. Яцимирский указал, что в основу актового языка Молдавии XIV–XVII вв. был положен русский: с одной стороны, официальный западнорусский, с другой – живой галицко-волинский говор. Исследователь также обратил внимание на влияние болгарского книжного языка тырновской редакции, влияние польского (или белорусского) и в слабой степени румынского [21. С. 155]. В своей статье «Молдавские грамоты в палеографическом и дипломатическом отношениях» А. Яцимирский пишет: «Язык молдавских грамот не представляет чего-нибудь устойчивого; в основе его – западнорусский официальный с заметным преобладанием галицко-волинских черт и книжных болгарских форм, и написаний. В более древних грамотах сильно польско-белорусское влияние, в поздних – живое румынское». Представляя обзор «формул и терминов молдавских грамот», он сделал вывод, что молдавские грамоты «более устойчивы в этом отношении, чем валашские» [22. С. 188]. Анализируя валашские грамоты, ученый установил, что «язык их болгарский, с уклонением в сторону сербской фонетики, этимологии и словаря, иногда с румынскими выражениями и синтаксисом» [3. С. 52].

Польский историк, российский подданный А. Яблоновский (1829–1913) обратил внимание на связи Молдавии (Волошины) с Южной Русью, причем не только религиозные, в том числе и церковнославянский язык церкви, но и на единый с Великим княжеством Литовским и Русским язык актов публичных и боярских усадеб. Мунтения (Валахия) сближалась по языку с соседними задунайскими областями, а в Молдавии преобладал вариант русского [23. С. III].

Большое внимание изучению языка молдавских грамот уделили ученые, жившие в Австро-Венгрии. Интерес этот был не праздный: в империи проживали русины, валахи, молдаване. В составе Австро-Венгерской монархии с 1772 г., после первого раздела Польши, оказалась Галиция, в 1774 г. – часть Молдавского княжества – Буковина.

Словацкий славист, деятель чешского и словацкого национального возрождения П.Й. Шафарик (1795–1861) в своих «Славянских древностях» писал (правда, не разделяя язык валашских и молдавских грамот): «Славянский язык, как свидетельствуют подлинные современные грамоты молдавских и валашских князей, был до XVII в. не только церковным, но и вместе с тем и гражданским. Почти все государственные и придворные должности имели и по сию пору имеют славянское название» [24. С. 342].

В 1893 г. чешский историк К.Й. Ирчек (1854–1918) пишет рецензию на книгу румынского филолога И. Богдана (1864–1919) «*Vechile cronice moldovenesci până la Urechia*», в которой автор анализирует язык молдавских хроник, вышедших до Г. Уреке, и делает вывод, что это староболгарский язык с сильным русским влиянием [25]. К. Ирчек отмечает, что язык молдавских грамот в основном русский и большинство опубликованных документов 1393–1450 гг. написаны в русском стиле. Записи же на болгарском языке редки. Это он объясняет тем, что до возникновения Молдавии земли Галицкого княжества в XII в. простирались до устья Дуная, а до 1774 г. в составе Молдавии была область, расположенная в непосредственной близости от древней столицы Сучавы (Буковина) с коренным русским населением [26. С. 85–86].

Польский славист Э. Калужняцкий (1845–1914), профессор славянской филологии в Черновицком университете, опубликовал в 1878 г. во Львове молдавские и валахские документы из архивов Львова (14 грамот). Он разъясняет отличие названий *Валахия* (*Мунтения*) и *Молдавия* (*Волощина*), упоминает, что на Буковине исторически проживает русский народ и что официальные документы молдавской господарской канцелярии до половины XVI в. постоянно писались на русском языке [27. С. 195–198].

Словенский языковед Ф. Миклошич в работе «Славянские элементы в румынском языке» («Die slavischen Elemente im Rumänischen») после краткого обзора этнонимов *румын*, *влах* (*волох*, *валах*), названий стран *Валахия* (*Узровлахия*), *Молдавия* (*Мавровлахия*), истории коренного населения и т.д. дает обзор 1082 слов славянского происхождения. К сожалению, ученый не всегда различал слова южнославянского и восточнославянского происхождения [28].

Значительный вклад в изучение молдавских господарских грамот и других письменных источников княжества внесли румынские исследователи (правда, большинство из них не признавало существования отдельного от румынского (валахского) молдавского языка).

А. Чихак (1825–1887) в своем «Дако-румынском этимологическом словаре» (A. de Cihac. «Dictionnaire d'étymologie daco-romane», t. I. Francfort s/M., 1870: t. 2, Francfort s/M. 1879) упоминал, что, хотя в основе румынского языка лежит латинский, славянская часть его словаря составляет 2/5 всех слов, тогда как латинская – 1/5. Все приведенные слова славянского происхождения являются частью языка румынского народа. Румынский язык, по его словам, обогатили почти все славянские диалекты. Однако ведущую роль он отводит старославянскому (или староболгарскому). Этот факт не может вызвать удивление, так как румыны были обращены в христианство славянами Паннонии, которые жили тогда в Дакии и Венгрии на обоих берегах Дуная и славянский язык использовался в церкви до XVIII в. Также ученый упомянул, что румыны сохранили религиозные суеверия и т.д., которые имеют славянское происхождение, и даже сейчас сохраняются обычаи, которые восходят к славянскому язычеству (вероятно, к русскому) (А. Чихак – молдаванин из Ясс, поэтому был знаком с обычаями местного населения. – С.С.) [29. С. VIII–IX].

Филолог-славист И. Богдан (1864–1919), проанализировав в 1907 г. вышедшие работы по языку старейших молдавских грамот, указал, что все они делятся на внутренние (большей частью господарские пожалования боярам, монастырям, подтверждения различного рода между боярами и их потомками в области земельного права) и внешние документы (в основном вассальные акты, союзы и соглашения с польскими и венгерскими королями, литовскими князьями, привилегии купцам, политическая и коммерческая корреспонденция и т.д.). Эти документы, по мнению ученого, написаны на русском языке и соблюдают все фонетические и морфологические особенности, присущие русским говорам (великорусским и белорусским). Он обращает внимание на малорусские (*kleinrussische*) компоненты, которые наблюдаются во внешних документах, отмечая, что с этим произношением молдаване могли

познакомиться на севере страны, где находилась столица княжества Сучава [30. С. 369–372].

Позже, разбирая грамоты времен Штефана Великого, И. Богдан постоянно отмечал русский язык этих грамот. К примеру (грамота 1464 г.): «наш верный боярин пан Андреико Чорторыиский служил нам право и вирно. Тем и мы видевши его правою и вирною слоужбою до нас, жаловали есми его оусобную нашу милостию, дали и потвердили есми емоу оу нашей земли оу молдавской села его правая оутнина, на име селам: Чортория и Дубовецоул и Ошихлиб». Ученый считал, что имя и прозвище боярина – из Галицкий Руси, как и названия сел, – русского происхождения. Появились они во времена Александра Доброго, а может быть, и раньше [31. С. 85–86]. Подчеркивая, что язык грамот времен Штефана Великого не является чисто русским, он смешивается со многими элементами средневекового болгарского церковного языка и с «мунтенизмами» (*muntenisme*), молдавскими словами в редких документах [31. С. 101], он постоянно указывал на русизмы, русские топонимы в грамотах [31. С. 108, 136, 142–143, 151, 157, 159, 175–176, 188, 198, 201, 220, 287, 336–338, 341, 343, 359, 371, 401, 414, 466, 488; 32. С. 95, 129, 166, 172, 196, 217, 231, 243, 274, 278, 280, 282, 293, 315, 366–367, 426]. В то же время в языке некоторых молдавских грамот появляются южнославянские черты, к примеру в ряде грамот Стефана Великого (см. [32. С. 140, 147–149, 158]), как отмечает С. Бернштейн [6. С. 88].

В конце второго тома И. Богдан помещает словарь «Славянские слова», в котором разъясняет значение некоторых часто встречающихся слов в основном русского происхождения [32. С. 595–609]. Объяснение русских слов молдавских грамот давал и М. Костэкеску в своей монографии «Молдавские документы до Стефана Великого» [33].

А. Розетти (1895–1990) в работе «Румынский язык в XVI веке» считал, что по политическим и культурным обстоятельствам прошлых веков язык румынских (Валахии и Молдавии. – С.С.) канцелярии и церкви в XVI в. был старославянским. Помимо болгарских, позже вводились сербские и русские элементы. Ученый отмечает русское влияние на славянские тексты в Молдавии, в то время как тексты в Цара Ромыняскэ (Валахии) знают болгарскую графику [34. С. 1–2, 16].

Ясский филолог И. Бэрбулеску (1873–1945) в своей монографии «*Individualitatea limbii române și elementele slave vechi*» отмечал, что болгарский элемент вошел в молдавский и валахский языки, в топонимику Валахии и Трансильвании. Первоначально молдаване жили в этом регионе вместе с мунтянами и болгарскими славянами, затем некоторая часть их направилась в Молдавию, в которую прибыла в XIII в. (некоторые утверждают, что в даже в XII в.), где с VI в. жили русины. От последних, вследствие ассимиляции, они унаследовали большую географическую номенклатуру и слова с конкретными русинизмами (*rutenisme*). Он же писал, что румыны с XII в. стали приобретать молдавские черты, проживая и смешиваясь с русинским элементом (*elementul rutean*). Правда, на основании своего исследования ученый пришел к выводу, что нельзя утверждать, что русинский (русский) (*ruteană* (*rusească*)) язык участвовал в создании румынской этнической индивидуальности [35. С. 80–81]. В свое время С. Бернштейн указал на пристрастность И. Бэрбуле-

ску в вопросе о роли славянства в истории румынского языка, народа и культуры. В связи с этим его исследования, как считал советский славист, не всегда могут быть признаны объективными [6. С. 49]. Это, впрочем, можно отнести и к некоторым другим румынским ученым, которые, к сожалению, периодически меняли свою точку зрения в зависимости от политической конъюнктуры.

К примеру, румынский историк литературы Н. Картожан (1883–1944), рассуждая о тенденциях в румынской культуре XV–XVI в., утверждал, что до XVI в. в Молдавии в текстах имел доминирующее влияние староболгарский (*mediobulgară*), в Мунтении – старосербский (*paleosîrbă*). В северной Трансильвании (Ардяле) появляются тексты в русской (точнее – украинской) редакции (*texte de redacție rusească, probabil ucraineană*). К концу XVI в., т.е. после женитьбы Стефана Великого на Евдокии, сестре киевского князя Симеона Олельковича, и особенно во времена Василе Лупу и Матея Басараба благодаря влиянию митрополита Петра Могилы в Валахии и Молдавии, как считает исследователь, начинают появляться тексты в русской редакции (*texte de redacție rusească*) [36. С. 38].

Историк-медиевист П. Панаитеску (1900–1967) в работе, посвященной жизни молдавского господаря Александра Доброго, писал, что в Молдавии церковь использовала славянский язык и церковные труды были сделаны по образцу и подобию болгарской, сербской и русской церквей. Все религиозные книги и письменные уставы были на старославянском. Этот язык был фактически литературным языком, языком древнеболгарским. Со временем пришло влияние живых славянских языков: болгарского, сербского и русского, который был официальным в Литве (Панаитеску называет его белорусским. – С.С.). Влияние последнего больше встречается в Молдавии, которая являлась соседом Литвы и с ней тесно связана [37. С. 16, 22–23]. В другой своей работе П. Панаитеску пишет, что в средневековой Молдавии старославянский язык был языком церкви, а языком официальных актов и литературы – западнорусский, правда, без объяснения причин [38. С. 117].

Н.Н. Петрашку (1859–1944) и Г.Г. Безвикони (1910–1966) в «Русско-румынских отношениях» напоминают, что язык, письменность и социальная жизнь в Молдавии явно находились под русским влиянием (или литовско-русского симбиоза) вместе со старым влиянием Галиции [39. С. 19].

Румынский славист Д.П. Богдан анализировал язык славяно-румынских текстов, которые написаны в болгарской, сербской или русской редакциях, так как славяно-румынский язык того времени был подвержен влиянию окружающей среды. Но в молдавских текстах существует отличие от аналогичных в Цара Ромыняскэ (Валахии) и Трансильвании, где на тексты влияет среднеболгарский и среднесербский языки. Большинство документов и печатных изданий в Молдавии создано под влиянием старорусского языка, чего не знают славянские тексты Валахии и Трансильвании [40. С. 6–7]. Это же мнение ученый высказывал и в других своих работах. К примеру, анализируя фонетические особенности языка славяно-румынских грамот XIV в., он делает вывод, что в основе фонетических явлений славянских грамот XIV в. лежат старославянские фонетические явления в виде среднеболгарских и отчасти сербских фонетических явлений. Что касается фонетических явлений сла-

вянских грамот из Молдавии XIV в., они имеют в основе старославянские явления, отраженные в виде среднеболгарских и русских фонетических явлений, но преобладают все-таки явления восточнорусских языков. В молдавских грамотах замечается, хотя и в меньшей степени, влияние сербских фонетических явлений – это влияние славянских грамот Валахии [41. С. 75].

Советские (в том числе и молдавские) ученые в большинстве случаев старались не конкретизировать название славянского языка княжества. Этот вопрос в советское время, в условиях молдавского национал-социализма, старались не озвучивать.

Советский филолог В.Д. Шишмарев (1875–1957) выразил мнение, что язык письменности средневековых Валахского и Молдавского княжеств был болгарский. Он полагал, что «большая часть заимствованных болгарских слов носит среднеболгарский характер, а с другой стороны, уже в древнейших из них, общих всем разновидностям балкано-романского, имеются черты восточноболгарского наречия» [42. С. 92]. Хотя по каким-то причинам исследователь проигнорировал влияние языка русинского населения Марамуреша и Карпато-Днестровских земель на язык восточных романцев, он все же говорит о появлении новых элементов в словаре в результате контакта с новыми соседями – с болгарами и сербами за Дунаем, с украинцами и поляками на севере, а позднее с русскими на востоке. Ученый считал, что с превращением Молдавии и Валахии в самостоятельные княжества происходит постепенная ликвидация двуязычия, а славянскую письменность насаждала церковь [42. С. 92–93, 95–96].

Советский источниковед В.И. Буганов (1928–1996) считал языком молдавских грамот старорусский [43. С. 273].

В монографии «История Молдавии», вышедшей в 1951 г., говорилось, что «письменные памятники, молдавские грамоты XIV в. и другие древние тексты писались в Молдавии на языке Юго-Западной Руси, в них преобладали галицко-русские языковые элементы... Таким образом, славяно-молдавская письменность, сложившаяся в Молдавии к концу XIV в., представляет собой культурное наследие Киевской и Галицкой Руси» [44. С. 96]. В «Истории Молдавской ССР» 1965 г. сказано, что славянский язык становится также языком господарской канцелярии Молдавии. Следует, однако, иметь в виду, что славянский язык молдавской дипломатики отличался от церковнославянского, так как он испытывал на себе благотворное влияние говоров Юго-Западной Руси [45. С. 261]. В «Истории Молдавской ССР» 1984 г., подразумевая средневековую Молдавию, указывается: «Славянский язык, как и некоторые другие древние языки, считавшийся священным, стал применяться в Молдавии повсеместно в литературе, богослужении и делопроизводстве. Все это весьма положительно сказалось на культурном развитии княжества, приобщившегося тем самым к высокой культуре Византии и славянского мира» [46. С. 147].

Советский филолог М.Н. Сергиевский (1892–1946), один из основателей изучения романских языков в СССР, в своей работе «Молдо-славянские этюды», говоря о влиянии восточнославянского элемента на романский, которое усилилось в XV в., письменный язык господарских канцелярий считал «не чем иным, как обычным деловым языком Юго-Западной Руси с примесью

элементов галицко-волынской разговорной речи», соглашаясь с мнением А. Яцимирского [47. С. 68].

Некоторые молдавские ученые продолжают называть язык администрации и дипломатических отношений Молдавского княжества старославянским [48. С. 86; 49. С. 61; 50. С. 70], однако указывают на существовавшее в Молдавии билингвизма. Т.П. Ильяшенко писала, что «молдавский язык и его письменность в XIV–XVIII вв. формировались в условиях параллельного употребления двух языков, что нашло отражение в специфике молдавского языка и других восточнороманских языков по отношению к западнороманским» [48. С. 86]. Период книжного славяно-молдавского билингвизма, по ее мнению, начинается с X–XI вв. [51. С. 24]. А.Т. Борщ тоже считал, что «двуязычие с литературным церковнославянским языком», по его мнению, началось «с момента вхождения романцев в контакт с крещеными славянами – примерно с X в. и развивалось постепенно параллельно с дальнейшим расселением романских масс среди местного славянского населения в форме взаимодействия церковнославянского литературного языка с романским народным, а с первыми попытками письменного употребления романского языка – уже с его письменным вариантом весь XVI и до середины XVII в., когда старославянский литературный язык был официально заменен молдавским письменно-литературным языком (в Валахии – тоже, хотя несколько позже) в функции языка канцелярии, администрации, богослужения и т.д., то есть когда все функции литературного языка молдавский язык принял полностью на себя» [49. С. 61].

Т. Ильяшенко выделила несколько этапов славяно-романских отношений:

1. V–X вв. – возникновение этнического симбиоза и двуязычия речи.
2. X–XIV вв. – зарождение предпосылок образования Молдавского феодального государства в тех же условиях.
3. XIV–XVI вв., когда в молдавском государстве старославянский был официальным языком и одновременно развивался устный молдавский, функционировавший затем как народный язык.
4. XIV–XVIII вв. – формирование молдавской письменности в условиях параллельного употребления двух языков [48. С. 86].

В V–X вв., в период балкано-романской общности, наблюдается симбиоз с южнославянскими народами, а с XII в. – с украинским и русским народами [48. С. 85].

Несколько иная периодизация у М.А. Косничану. Первый период, VI–XII вв., характеризуется заимствованиями из общеславянского и южнославянских языков, особенно из болгарского. По характеру заимствованных элементов данный отрезок делится на два этапа:

1. VI–IX вв., когда славянизмы проникали устным путем через разговорную речь.
2. IX–XII вв., когда одновременно с христианством проникали книжные элементы, особенно из Болгарии, где славянская письменность находилась в расцвете.

Второй период, XII–XVIII вв., характеризуется восточнославянским влиянием древнерусского и украинского языков. В нем выделяются также два этапа:

1. XII–XVI вв., когда происходили адаптация и ассимиляция славянских форм и формантов.

2. XVI–XVIII вв., для которых характерно новое восточнославянское влияние.

Третий период охватывает XVIII–XX вв., и ему свойственно русское и украинское влияние [52. С. 52].

Упоминает о периоде славяно-молдавского билингвизма, правда, в раннем Средневековье, и Н.Г. Корлэтяну [53. С. 21].

Одним из немногих молдавских исследователей, прямо говоривших именно о молдо-русинских контактах и молдо-русинском билингвизме, был Н.Д. Раевский. Он считал, что контакты волохов с русинами начались со второй половины XIII в. с началом интенсивной волошской колонизации Карпато-Днестровских земель, указав ареал расселения русинов [54. С. 232–244].

В.Н. Стати, один из немногих молдавских исследователей, оставшихся на позициях молдавенизма, не отрицая славянское влияние на культуру Молдавии, подчеркивает: «В Молдове, как правило, религиозные тексты были распространены на славянском языке среднеболгарской редакции, а в господарской канцелярии использовался славянский в русинско-украинской редакции [55. С. 72]. Он же обратил внимание на то, что «украинского исследователя абсолютно не интересует эволюция его родного языка, корректность его названия: русинский, малороссийский, украинский» [55. С. 240].

Значительный вклад в изучение языка молдавских феодальных документов внесли украинские ученые. В 1910 г. студент В. Ярошенко представил для премии по вопросу о языке грамот, опубликованных в свое время В.А. Ульяницким и Е. Калужняцким, работу «Исследование малорусского языка молдавских грамот XIV–XV вв., изданных г.г. Ульяницким и Калужняцким», которая на базе реферата профессора А.А. Шахматова, была удостоена данной премии. Позже, в 1931 г., В. Ярошенко опубликовал работу «Українська мова в молдавських грамотах XIV–XV вв.», которая сопровождалась словарем [56. С. 56].

Советский украинский языковед С.В. Семчинский (1931–1999) полагал, что долгое время письменным языком Молдавского княжества был староукраинский (или старославянский украинской редакции) язык. На нем писались грамоты господарской канцелярии, и они являются ценным источником для изучения староукраинского языка [57. С. 746].

Советский и украинский лингвист В.М. Русановский (1931–2007) писал, что западнорусский письменный язык – устаревшее название староукраинского и старобелорусского (употреблялся, по его мнению, в XIX в., так как в то время не было официального термина «украинский язык») – представлен в письменных белорусских, киево-волинских документах XIV–XVI в. С распространением шляхетской привилегии на всю литовско-русскую шляхту (1457) в украинско-белорусской письменности появляются заимствования из польского языка, а также специфические фонетические и грамматические черты, отличающие эти деловые документы грамот, написанных в Галичине, Польше и Молдавии [58. С. 197]. В своей «Истории украинского литературного языка» он замечал, что к концу XVI в. украинские земли входили в состав нескольких государств: большая часть территории Украины, а именно

Киевщина с Переяславщиной, Черниговщина, Волынь и северо-восточное Подолье – в состав Великого княжества Литовского, Галичина и юго-западное Подолье были захвачены Польшей, часть подольских и галицких земель (Буковина) отошла к Молдавскому княжеству, Закарпатье – под власть венгерских королей. Эта разобщенность мешала созданию единого литературного языка. Для письменных текстов с Волыни, Среднего Приднепровья, Галичины и Молдавии были характерны местные черты. В молдавских грамотах также полно проявляется церковнославянская традиция [59. С. 47–48].

Эту же мысль высказывает украинский зарубежный языковед, лексикограф, историк церкви И.И. Огиенко (1882–1972), упоминая, что эти земли в свое время находились под властью галицких князей: «Во всех молдавских церквях богослужение велось на староукраинском языке (то есть на языке церковнославянском с украинским произношением), а по канцелярии царя украинская литературная речь как речь официальная в Молдавии до XVIII века» [60. С. 70].

Мнения, что западнорусский язык в качестве языка делопроизводства был распространен в XIV–XV вв. на территории от Вильно до столицы средневековой Молдавии Сучавы, придерживается и Л.Л. Гумецкая [61. С. 35].

Б. Тимочко считает, что лексика молдавских грамот XIV–XV вв. делится на исконно украинскую и заимствованную. Однако большинство слов являются украинскими, они были зафиксированы уже в XIV в. и использовались в течение многих веков. Он отмечает, что диалектную лексику в этих документах никто не изучал [62. С. 13].

Молдавские грамоты публиковались на Украине в различных сборниках. В 1926 г. были выпущены грамоты, собранные и подготовленные к публикации в 1917 г. («Южнорусские грамоты») русским лингвистом В.А. Розовым (1876–1940). Приведено 6 документов, обращенных к молдавским господам от польского короля, вельмож, епископов (договорные грамоты, закладные, обязательства), написанных на южнорусском языке [63. С. 36, 76, 122, 124, 162, 168]. В конце сборника приведен общий словарь, где дан полный перечень всех слов и форм, встречающихся в изданных грамотах.

Среди письменных памятников XIV в. с выраженными признаками украинского языка в сборнике «Грамоти XIV ст.» приведено 9 документов, связанных с Молдавией (один – подписанный польским королем, 6 документов молдавских господарей, по одному – господарского сына и молдавских бояр) [64. С. 9, 81, 104, 109, 120, 125, 126, 147, 148]. Все приведенные тексты договоров, присяг, дарственных, поручительств, разрешений и т.д. написаны на западнорусском языке и не отличаются от других текстов, приведенных в данном сборнике. Издание снабжено указателями словоформ апеллятивной, антропонимической и топонимической лексики [64. С. 150, 198, 215].

В сборнике «Українські грамоти XV ст.» помещены письменные памятники Центральной Украины, Западного Полесья, Галиции, закарпатские грамоты, а также 32 грамоты с территории Молдавии [65. С. 59–132]. В предисловии В.М. Русановский отмечает: «Молдавские земли долгое время входили в состав Галицкого княжества. Поэтому, когда в конце XIV в. в бассейне Прута, Днестра и Дуная возникла самостоятельная Молдавская держава, она

унаследовала от предыдущих веков русское письмо и русский официальный деловой язык. Историки отмечают, что “славяно-молдавская письменность, которая сложилась в Молдавии на конец XIV в., представляет собой культурное наследие письменности Киевской и Галицкой Руси” [44. С. 96]. Русский язык как официально-деловой язык Молдавии был в значительной степени трансформирован под влиянием украинских говоров и вобрал в себя значительное количество молдавских, венгерских и южнославянских лексических элементов. Поскольку деловая речь Молдавии и деловая речь Литовского государства базировались на древнерусской основе, между ними есть большое сходство. Однако между ними есть и существенное различие, ибо развивались они под влиянием различных диалектных массивов» [65. С. 10]. Как отмечал исследователь, и в Закарпатской Руси (как указывалось выше, в составе Закарпатской области находится большая часть бывшего комитата Мараморош, откуда началась волошская колонизация Карпато-Днестровских земель. – С.С.) в XV в. «официальным деловым языком продолжал оставаться русский язык, обогащенный местными наречиями» [65. С. 10]. Издание, как и предыдущее, снабжено указателями личных имен, географических названий и словарем малопонятных слов [65. С. 139, 149, 156].

Большим подспорьем для дальнейшего изучения документов молдавской господарской канцелярии служат сборники грамот, выпускавшиеся в Румынии и Молдавии. Таких сборников выходило достаточно много. Часть из выпускавшихся в Румынии издавалась только в переводе.

О двухтомнике документов Штефана Великого, изданном в 1913 г. И. Богданом с оригинальными текстами, комментариями, библиографией, перечнями упоминаемых имен и географических названий, румынским и славянским словарями, упоминалось выше (Bogdan I. Documentele lui Ștefan cel Mare. Vol. 1. Hrisoave și cărți domnești (1457–1492); Vol. 2. Hrisoave și cărți domnești (1493–1503), tractate, acte omagiale, solii, privilegii comerciale, salv-conducte, scrisori (1457–1503), București, 1913).

Буковинский историк Т. Балан (1885–1972) подготовил к изданию сборник «Документы Буковины» (средневековые тексты даны в оригинале с переводом). При жизни автора вышло шесть томов: Documente bucovinene. Vol. 1. 1507–1653, Cernăuți, 1933; Documente bucovinene. Vol. 2. 1519–1662, Cernăuți, 1934; Documente bucovinene. Vol. 3. 1573–1720, Cernăuți, 1937; Documente bucovinene. Vol. 4, Cernăuți, 1938; Documente bucovinene. Vol. 5. 1745–1760, Cernăuți, 1939; Documente bucovinene. Vol. 5, București, 1943). Три тома увидели свет в 2005–2006 гг. (Documente bucovinene. Vol. 7–9, Iași, 2005–2006).

В 1950-е гг. под редакцией М. Роллера в Бухаресте вышли «Документы по истории Румынии. А. Молдова» (Documente privind istoria României. A. Moldova, сокр. – DIRA), изданные Румынской академией (Documente privind istoria României. A. Moldova: veacul XIV–XV, vol. 1 (1384–1475), veacul XV, vol. 2 (1476–1500); veacul XVI, vol. 1–4 (1501–1550, 1551–1570, 1571–1590, 1591–1600); veacul XVII, vol. 1–5. (1601–1605, 1606–1610, 1611–1615, 1616–1620, 1621–1625), București, 1952–1957). К недостаткам издания можно отнести то, что все тексты даны только в переводе, хотя в начале томов дается и краткое содержание грамот на русском языке. Позже А. Гонца составил

перечень топонимов и антропонимов, упоминавшихся в изданных сборниках (Gonța A. Documente privind istoria României. A. Moldova. Veacurile XIV–XVII (1384–1625). Indicele numelor de locuri, București, 1990; Documente privind istoria României. A. Moldova. Veacurile XIV–XVII (1384–1625). Indicele numelor de persoane. București, 1995).

К наиболее полным сборникам, в которых грамоты приводятся на языке оригинала с переводом на румынский, даются комментарии и справочный аппарат, можно отнести продолжающуюся серию *Documenta Romaniae historica*. A: Moldova¹ (Vol. 1–28, București, 1975–2006), сокр. – DRHA), выпускаемую институтом истории Румынской академии, а также издание Института истории Академии наук Молдовы – Молдавия эпохи феодализма = *Moldova în epoca feudalismului* (Vol. 1–12. Chisinău, 1961–2012). В этих изданиях приведены и оригинальные тексты документов. Особый интерес представляют грамоты XIV–XV вв. (*Documenta Romaniae historica*. A: Moldova: Vol. 1. (1384–1448), București, 1976; Vol. 2. (1449–1486), București, 1976; Vol. 3. (1487–1504), București, 1980).

В последнее время вышло немало словарей, которые могут помочь выявить принадлежность употребляемой лексики. Например: «Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.». У 2 т. (Київ: Наукова думка, 1978), «Етимологічний словник української мови». У 2 т. (Київ: Наукова думка, 1982–2012 (издано 6 томов), «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (М.: Наука, 1975–2008 (издано 28 томов) и т.д.

Среди румынских изданий – «Румынская топонимия» И. Иордана (Iordan I. Toponimia Românească. București, 1963), «Библиографический каталог поселений и средневековых памятников Молдовы» Н. Стоическу (Stoicescu N. Repertoriul bibliografic al localităților și monumentelor medievale din Moldova. București, 1974), словарь И. Евсеева «Славянизмы в румынском» (Evseev I. Slavismele Românești. București, 2009) и т.д.

Особую ценность для исследователей представляют многочисленные русинские словари. В них можно найти значения слов, вышедшие из активного словарного запаса современных русского, украинского и белорусского языков, употребляемые в молдавских средневековых текстах, в которых заметно влияние, как упоминали исследователи, живого говора местного русинского населения (см., напр.: Російсько-русинський словник. У 2 т. 65000 слів / Склав І. Керча (Ужгород, 2012), Словник буковинських говірок (Чернівці, 2005), Пиртей П.С. Словник лемківської говірки. Матеріали для словника (Legnica; Wrocław, 2001).

Рассмотрев вышеприведенные точки зрения, мы видим, что большинство исследователей официальный язык Молдавского княжества (язык господарской канцелярии) классифицировали как западнорусский (южнорусский, восточнославянский, староукраинский, малорусский, русинский², что в принци-

¹ Параллельно выпускались и документы средневековой Валахии (Seria B. Țara Românească) и Трансильвании (Seria C. Transilvania) и касающиеся отношений между румынскими странами (Seria D. Relații între Țările Române).

² Еще дореволюционные исследователи обратили внимание на то, что со временем русинский язык стал отличаться от малорусского наречия: он сохранил много древнерусских форм, а также в

пе одно и то же). (Разница в названии вызвана больше политической конъюнктурой.) Отмечалось влияние на письменный язык живого говора (галицкого) местного русинского населения. Как указывали некоторые исследователи, для изучения языка грамот необходимо не только владеть различными языками (в том числе русским, украинским, русинским), но и знать историю и культуру населения Карпато-Днестровских земель.

К концу XV в. существовало два русских государственных языка – великорусский и западнорусский, к которому принадлежал и язык молдавской канцелярии [67. С. 26]. В основу канцелярского языка Молдавии, как и западнорусского, лег галицкий говор, в который проникали элементы церковнославянского языка (среднеболгарского извода), а также многочисленные местные слова как романского происхождения, так и заимствованные из разных соседних языков (венгерского, немецкого и польского). Когда в течение XV в. диалектная основа западнорусского изменилась, переместившись на север, молдавский канцелярский язык сохранил в основном свой южнорусский характер, что и привело к некоторому обособлению языка молдавских грамот от языка западнорусских грамот [67. С. 38–39].

К примеру, сравнив две жалованные грамоты (великого князя литовского и русского Свидригайло от 4 февраля 1408 г. [68. С. 5] и молдавского господаря Александра Доброго от 28 января 1409 г. [9. С. 34–35], можно увидеть схожесть формы (начало, окончание), стиля и лексики (подробнее см.: [69]):

Милостю Божою мы великий князь Швидригайлъ Литовскій, Русскій и иныхъ, чинимъ знаменито и даемъ вѣдати симъ нашимъ листомъ каждому доброму, нинешнимъ и потомъ будучимъ, хто нанъ возрѣть или его чтучи услышитъ, комужъ коли его будетъ потребно, ижъ видѣвъ и знаменовъ (sic) службу намъ верную, а нигды неопущеную, нашего верного слуги, пана Петра Мыщица, нашего кухмистра, и мы порадывшися зъ нашими князи и зъ паны, и зъ нашою верною радою, дали есмо ему и записали за его верную службу село въ Кременецкомъ повете, Борщанку, а борокъ и селище Кандитовъ, а лесъ Дедовъ, со всемъ, што къ тымъ селомъ изъ века и зъ давна слушало и тягло, вечно и непорушно ему со всѣми уходы и приходы, зъ приселки и зъ селящи, и зъ нивами, и зъ пашнями, и зъ лесы, и дубровами, и зъ бортными землями, и зъ гаи и зъ пасѣками, и зъ ловы, и зъ ловищи, и зъ бобровыми гоны и зъ зеремьяны, и зъ реками, и зъ озеры, и зъ крыницами, и зъ потоки, и зъ ставы, и ставищами, и зъ млины, и зъ мыты, и зъ болоты, и зъ рудами, и такъ што въ тыхъ именѣхъ собѣ примыслить и на новомъ корени посадить, и со всеми платы, што къ тымъ именемъ слушаетъ и слушало и также слуги, и зъ дубровами, и зъ сеножатами, и со всеми пожитки, можетъ собе полепшивати и разширивати, осадити, и примножати, а даемъ тому предреченому пану Петру, инакъ Мышце, кухмистру вѣчно и непорушно ему, а по немъ и дѣтемъ его, внучатамъ и ближнимъ его и его щадкомъ; вольни по всѣхъ тыхъ именѣхъ кому отдати и продати и променити, панъ Петръ и его ближни, и потомъ будучи, пакъли бы хто хотѣлъ тьи имена подъ паномъ Петромъ взяти, или подъ его детми и подъ его ближними, тогды первѣ

нем заметно влияние молдавского и, в меньшей степени, польского (а у русинов Бессарабии и великорусского) языков [66].

имаеть пану Петру, инакъ Мышце, дати четьриста копъ широкихъ грошей, а любо дѣтемъ его, а любо ближнимъ его, тогда и маеть подь ними тыи имена взяти, а панъ Петръ зъ того имени а маеть служити намъ двема коньми, — а при томъ были свѣдьки, наша рада: панъ Монвидь, староста Подольскій и Кременецкій, а панъ Юрша, воевода Кіевскій, а панъ Янъ Войницкій, староста Луцкій и Олескій, а панъ Юрій, маршалокъ нашъ, а панъ Хохлевскій, а панъ Иванъ Гулевичъ, панъ Кожаринъ, маршалокъ Луцкое земли, а панъ Маско Гулевичъ, а панъ Иванъ Волотовичъ, а панъ Иванъ Чорный, а панъ Иванко Мукоѣвичъ; а на потвѣрженіе того нашего жалованья, про лепшую память и твердость, и печать нашу велели есмо привесити къ сему нашему листу. А пьсанъ у Луцку, подь леты рождества Иисуса Христа, 1408 лета. февраля 4 день, индикта.

Приказъ князя Борисова подканцлѣроваго, а пана Семашковъ.

Многогрешный, иснакаръ, писаль привилій.

(Athenaeum, 1842 г. Т. 2. С. 26)

† М(н)л(о)стію в(о)жію, мы, Ілѣксандръ воевода, господарь Земли Молдавскон. Чинимъ знаменито, нс снмъ листомъ нашимъ, оуспимъ кто на нь оузнитъ нан его оуспашитъ, оже тотъ истиннѣн слуга нашъ, панъ Жоуржъ Оунгоурѣнѣлъ, намъ правою и вѣрною службою служилъ. Тѣмъ, мы, видѣше его правую и вѣрную службу до насъ, жаловали есмъ его всеюною м(н)л(о)стію и дали есмъ ему оу насен земли, оу Молдавскон, села, штинниа его, на нмѣ: <Оунгоурѣн> н, гдѣ домъ его, н, подли того, Сух(о)долъ <н винограды што> садилъ внь собою, н, оу Тоурлюю, села на нмѣ: Прочешин, н Сперлешин, н Негрилешин, н Нѣгъшешин, гдѣ естъ Нѣгъшъ жудѣ, н, пониже, гдѣ естъ Команъ. То, емоу, штъ насъ да естъ оурукъ съ оуспимъ доходомъ, на вѣкы вѣчнымъ.

И хотары Оунгоурѣномъ штъ Бакока, почениш штъ вѣрха <потока> поутъ штъ потока, та штъ толѣ прости , оу каменѣ, та, прости сръди черетин, на конецъ долину , та, долина долиною, на конецъ долину, та, долиною долу, оу единъ бродъ, та, прости оу дѣлѣ, на оусти долины, та, дѣломъ горн, долина що нсходитъ штъ лиса, та, горн долиною, до колѣ нсходитъ оу полѣну, та, из лисемъ штъ Тоудора горн, на конецъ Послѣ на Изгорниша штъ Крлангатою, та, прости оу потокъ, та, потокомъ горн, до вѣрха. То естъ весъ хотаръ Оунгоурѣномъ, а тѣмъ селамъ штъ Турлун, съ оуспимъ поени и съ всамн своимн старинч хотармн, коуда из вѣка оживали, непоручено нмъ николи, на вѣкы вѣчнымъ, н дѣтемъ его, н оулучатомъ его, н прѣоуноучатомъ его, н прѣшурѣтомъ его и всему роду его, кослико сѣ изнандетъ из наиванжин.

И на то естъ вѣра нашего г(оспод)ства, вѣше писанного Ілѣксандра воеводн, и вѣра дѣтен нашихъ, и вѣра пана Стан<н>слава Ротампана, и вѣра пана Мн<хач> лашова, и вѣра пана Жюржа, и вѣра пана Блада дворника, и вѣра пана Жюметате Іуна, и вѣра пана Гринкова, и вѣра пана Негра дворника, и вѣра пана Ъанна дворника Сучавского, вѣра пана Бѣлчин, вѣра пана Сина Брланча, вѣра пана Блада Серѣтского вѣра пана Спенина, вѣра пана <внст> - ерника, вѣра пана Домокуша столника, вѣра пана Нѣлѣ чашинка, и вѣра пана Стана постельника и вѣстѣрника и вѣра оуспихъ боаръ <молдавскыхъ, н велнкы> хъ, н малыхъ.

И по нашемъ животѣ, которыи нметъ госъ подаръ оу земли насен, наі штъ дѣтен нашихъ нан штъ братен нашихъ <нан штъ нашего> племени <нан бѣдъ кто, то що бы> нмъ не порушилъ наше дааніа але бы нмъ оутвѣрдила н оукупила зануже есмъ дали нмъ за нхъ правую и вѣрною службою.

<И н> а бѣашею крѣпости все вѣше писаному, веламн есмъ нашемъ вѣрному пану, Исанию логотетѣ, писати и привѣстити нашу <пе> чать к семъ листу нашему.

Оу Сучавѣ, в(ѣ) лѣт(о) 5321, м(ѣ)с(ѣ)цѣ генарѣ кн.

Русский лингвист А.И. Соболевский (1856–1929) отнес молдавские грамоты (написанные с южнорусской примесью в языке), понимая их значение, к источникам для истории русского языка [70. С. 16].

Румынский историк литературы О.А. Денсушану, хотя и нечетко отличал южно-, восточно- и западнославянские элементы в составе восточнороманских языков [71. С. 17], писал в своей «Истории румынского языка»: «Чтобы понимать прошлое румынского языка, славянский столь же необходим, как латинский язык» [72. С. XIX].

Ранее классик молдавской литературы Г. Асаки (1788–1869) высказался о необходимости изучения истории русского народа: «Тесные взаимосвязи между нашей историей и историей русского народа обуславливают настоятельную необходимость изучения той и другой» [73. С. 150].

Деятель галицко-русского Возрождения историк и филолог А.С. Петрушевич (1821–1913) тоже понимал важность изучения истории русско-румынских (молдавских. – С.С.) отношений и письменных источников, написанных на русском языке (из его корреспонденции в галицко-русской газете «Слово» (1861. № 29): «На святой Руси нашей хранится еще немало драгоценных памятников... Иер. Соневицкий пишет из Кымполунга, что в монастыре Ватра Молдавица хранится выше 150 старинных рукописей и грамот, писанных на русском языке! Все это тем больше подстегивает меня с началом июня отправиться в Буковину. Открывши кое-что любопытное, не медлю сейчас известить вас о всем подробно» [74. С. 244].

Учитывая, что существовавшие идеологические запреты на разработку русинской проблематики сняты, дальнейшее изучение культуры и официального языка Молдавского средневекового княжества с учетом взаимодействия с культурой и языком русинов Карпато-Днестровских земель может привести к новым интересным открытиям.

Литература

1. Грекул Ф.А. Аграрные отношения в Молдавии в XV – первой половине XVII в. / под ред. Л.В. Черепнина. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1961. 456 с.
2. Грекул Ф.А. Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века / под ред. Л.В. Черепнина. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1950. 160 с.
3. Яцимирский А.И. Валашские грамоты в палеографическом и дипломатическом отношениях // Русский филологический вестник Т. 54, № 3. 1905. С. 49–67.
4. Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2006. 412 с.
5. Венелин Ю.И. Влахо-болгарские, или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные на иждивении Импер. Рос. акад. Юрием Венелиным. СПб., 1840. XVI, 361 с., 20 л. факс.
6. Бернштейн С.Б. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. 1: Язык валашских грамот XIV–XV веков. М.: Изд-во Академии наук СССР. М.; Л., 1948. 310 с.
7. Богдан Д.П. Три древнейших славяно-валашских грамоты // Археографический ежегодник за 1960 год / под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1962. С. 244–269.
8. *Documenta Romaniae Historica. Seria B: Țara Românească*. Vol. 1. 1247–1500. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1966. LXIV + 639 p.
9. *Documenta Romaniae Historica: A. Moldova*. Vol. 1. (1384–1448). București: Editura Academiei Republicii Socialiste Române, 1975. 605 p., il.
10. Гинкулов А. Начертание правил валахо-молдавской грамматики. СПб., 1840. XVIII, 576 с.
11. Головацкая Я.Ф. Грамоты угро-влахийские и молдавские (XV–XVI вв.) // Летопись занятий археографической комиссии (1865–1866). Вып. 4. II Материалы. СПб., 1868. С. 3–17.

12. Мурзакевич Н. Молдо-влахийские грамоты, хранящиеся в Бессарабии // Записки Одесского общества любителей истории и древностей. 1848. Т. 2. С. 562–567.
13. Мурзакевич Н. Молдо-влахийские грамоты, хранящиеся в Бессарабии // Записки Одесского общества любителей истории и древностей. 1853. Т. 3. С. 248–268.
14. Мурзакевич Н. Материалы для истории Молдавии // Записки Одесского общества любителей истории и древностей. 1858. Т. 4. С. 320–330.
15. Мурзакевич Н. Молдо-Влахийские грамоты, хранящиеся в Бессарабии // Записки Одесского общества любителей истории и древностей. 1858. Т. 4. С. 331–354.
16. Мурзакевич Н. Молдо-влахийские грамоты, хранящиеся в Бессарабии // Записки Одесского общества любителей истории и древностей. Т. 5. 1863. С. 838–841.
17. Уляницкий В.А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI вв. М., 1887. VIII, 244 с.
18. Кочубинский А.А. Лапидарные надписи XV ст. из Белгорода, что ныне Аккерман // Записки Императорского Одесского общества любителей истории и древностей. 1889. Т. 15. С. 506–547.
19. Кочубинский А.А. Частные молдавские издания для русской школы (библиографические заметки) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 347. 1903. Июнь. С. 389–418.
20. Сырку П.А. Из переписки румынских воевод с Сибинским и Брашовским магистратами. Тексты 28 славянских документов валашского происхождения XV–XVII вв., городских архивов Сибина, Брашова и Брюкентальского музея в Сибине // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 82, № 2. СПб., 1906. XXXVIII, 35 с.
21. Яцимирский А.И. Язык славянских грамот молдавского происхождения // Статьи по славяноведению. Вып. 3 / под ред. В.И. Ламанского. СПб., 1910. С. 155–177.
22. Яцимирский А.И. Молдавские грамоты в палеографическом и дипломатическом отношениях // Русский филологический вестник Т. 55, № 1–2. 1906. С. 177–198.
23. Jabłonowski A. Sprawy wołoskie za Jagiellonów: akta i listy. Źródła dziejowe. T. 10. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1878. III, CLXIV, 163 s.
24. Шафарик П.Й. Славянские древности. Часть историческая / пер. с чеш. [и предисл.] О. Бодянского. 2-е изд., испр. Т. 2, кн. 1. М., 1847. VI, 454 с.
25. Bogdan I. Vechile cronicе moldovenesci până la Urechia. Texte slave cu studiu, traduceri și note. București: Lito-tipografia Carol Göbl, 1891. IX + 290 p.
26. Jireček C. Slavische Chroniken der Moldau Archiv für slavische philologie. XV. Berlin, 1893. S. 81–91.
27. Kaluźniacki E. Dokumenta Moldawskie i Multańskie z archiwum miasta Lwowa // Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacyi śp. Aleksandra hr. Stadnickiego. Wyd. staraniem Galicyjskiego Wydziału Krajowego. T. 7. Lwów, 1878. S. 195–252.
28. Miklosich F. Die slavischen Elemente im Rumänischen. Wien: Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philos.-historische Klasse, XIII. 70 s.
29. Cihac A. Dictionnaire d'étymologie daco-romane. Éléments slaves, magyars, turcs, grecs-moderne et albanais. Francfort a/M: Ludolphe St-Giar, 1879. XIV, 816 s.
30. Bogdan I. Über die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden // Jagić-festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, Weidmann, 1908. S. 369–377.
31. Bogdan I. Documentele lui Ștefan cel Mare. Vol. II. Hrisoave și cărți domnești (1457–1492). București: Atelierele Grafice Socex & Co, 1913. XLVI, 518 p.
32. Bogdan I. Documentele lui Ștefan cel Mare. Vol. 2. Hrisoave și cărți domnești (1493–1503), tractate, acte omagiale, solii, privilegii comerciale, salv-conducte, scrisori (1457–1503). București: Atelierele Grafice Socex & Co, 1913. XXI, 611 p.
33. Costăchescu M. Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare. Vol. 1: Documente interne: urice (ispisoace), surete, regeste, traduceri: 1374–1437. Iași: Viața Românească, 1931. XXXV, 557 p.
34. Rosetti A. Limba română în secolul al XVI-lea. București Cartea Românească, 1932. IX, 158 p.
35. Bărbulescu I. Individualitatea limbii române și elementele slave vechi. București: Editura Casei Școlarelor, 1929. 534 p.
36. Cartoian N. Istoria literaturii române vechi. București, Editura Minerva, 1980. 589 p.
37. Panaitescu P. Alexandru cel Bun: la cinci sute de ani dela moartea lui. București: Monitorul Oficial și Imprimeriile Statului. Imprimeria Națională, 1932. 59 p., [3] f. il.

38. *Panaitescu P.P.* Istoria românilor. Chișinău: Logos, 1991. 272 p.
39. *Petrașcu, Bezviconi 1945 – Petrașcu N.N., Bezviconi G.G.* Relatiile ruso-române. București: [s.n.], 118 p.
40. *Bogdan D.P.* Caracterul limbii textelor slavo-române. București: [s.n.], 1946. 46 p.
41. *Богдан Д.П.* Фонетические особенности языка славяно-румынских грамот XIV в. // *Romanoslavica*. 1958. II. С. 55–75.
42. *Шушмарев В.Ф.* Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР // *Вопросы языкознания*. 1952. № 1. С. 80–106.
43. *Буганов В.И.* Славяно-молдавские грамоты конца XV – первой четверти XVII в. // *Источниковедение отечественной истории: сб. ст. 1981 / Академия наук СССР, Институт истории СССР, отв. ред. В.И. Буганов, отв. секр. В.Ф. Кутьев. М., 1982. С. 272–279.*
44. *История Молдавии*. Т. 1: От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред.: А.Д. Удальцова (отв. ред.) и Л.В. Черепнина. Кишинев: Шкоола советикэ, 1951. 654 с.
45. *История Молдавской ССР*. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / редкол.: Л.В. Черепнин (отв. ред.), Я.С. Гросул, Ю.Г. Иванов, Н.А. Мохов, Е.М. Руссев, П.В. Советов, Г.Б. Федоров, Д.Е. Шемяков. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1965. 876 с.
46. *История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней / редкол.: В.И. Царанов (отв. ред.), С.Я. Афтениук, Д.М. Драгнев, М.С. Платон, Л.Е. Репида, П.В. Советов, Д.Е. Шемяков. Кишинев: Штиинца, 1984. 552 с.*
47. *Сергиевский М.В.* Молдаво-славянские этюды. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 216 с.
48. *Ильяшенко Т.П.* Формирование романских литературных языков. Молдавский язык. Кишинев: Штиинца, 1983. 200 с.
49. *Борщ А.Т.* Старославянский язык как компонент славяно-романского двуязычия // *Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения. Ч. 2 / редкол.: С.Г. Бережан, М.А. Габинский, Н.М. Печек, Р.Я. Удлер. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967. С. 56–64.*
50. *Еремия Л.И.* Об этимологической интерпретации молдавских топонимов славянского происхождения // *Социально-историческая обусловленность развития молдавского национального языка*. Кишинев: Штиинца, 1983. С. 69–75.
51. *Ильяшенко Т.П.* Языковые контакты на материале славяно-молдавских отношений. Краткий очерк. М.: Наука, 1970. 204 с.
52. *Косничяну М.А.* Славянское влияние в антропонимии и формирование молдавской деривационной системы // *Социально-историческая обусловленность развития молдавского национального языка*. Кишинев: Штиинца, 1983. С. 52–69.
53. *Корлэтяну Н.Г.* Молдавский язык сегодня. Кишинев: Штиинца, 1983. 88 с.
54. *Раевский Н.Д.* Контактеле романичилор рэсэритень ку славий: Пе базэ де дате лингвистиче. Кишинэу: Штиинца, 1988. 288 p.
55. *Стати В.Н.* За наш молдавский язык: Историческое, социолингвистическое исследование. Тирасполь, 2009. 312 с.
56. *Богдан Д.П.* Фонетические особенности языка славяно-румынских грамот XIV века // *Romanoslavica*. 1958. № 2. С. 55–75.
57. *Семчинський С.В.* Українсько-румунські мовні контакти // *Українська мова. Енциклопедія / ред. кол. В.М. Русанівський, О.О. Тараненко, М.П. Зяблюк та ін. 2-е вид., випр. і доп. Київ, 2004. С. 746–747.*
58. *Русанівський В.М.* Західноруська писемна мова // *Українська мова. Енциклопедія / ред. кол. В.М. Русанівський, О.О. Тараненко, М.П. Зяблюк та ін. 2-е вид., випр. і доп. Київ, 2004. С. 197.*
59. *Русанівський В.М.* Історія української літературної мови. Підручник. Київ: Арттек, 2001. 392 с.
60. *Іван Огієнко (Митрополит Іларіон).* Історія української літературної мови / Упоряд., авт. іст.-біогр. нарису та приміт. М.С. Тимошик. Київ: Наша культура і наука, 2001. 440 с., іл.
61. *Гумецкая Л.Л.* К вопросу о языке молдавских грамот XIV–XV вв. // *Otázky dějin střední a východní Evropy / Hejl, František (editor). Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1971. P. 25–35.*
62. *Тимочко Б.* Словниковий склад українсько-молдавських грамот XIV–XV ст. і буковинська діалектна лексика // *Науковий вісник Чернівецького університету: Історія. Політичні науки. Міжнародні відносини*. 2013. Вип. 676–677. С. 12–16.

63. Розов В. Українські грамоти. Т. 1: XIV в. і перша половина XV в. Київ: З друкарні Української Академії наук, 1928. 4 с. + 176 с. + 75 с. + IX с.
64. *Грамоти XIV ст.* / Упорядк., вст. ст., ком. і слов.-показ. М.М. Пешак. Відповідальний ред. В.М. Русанівський. Київ: Наукова думка, 1974. 256 с.
65. *Українські грамоти 1965 – Українські грамоти XV ст.* / підготовка тексту, вступна стаття і коментарі В.М. Русанівського. Київ: Наукова думка, 1965. 164 с.
66. Суляк С.Г. Язык русинов Бессарабии в трудах дореволюционных этнографов // Русин. 2015. № 3. С. 14–24.
67. Золтан А. *Inter Slavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам.* М.: Индрик, 2014. 224 с.
68. Грамоты великих князей литовских с 1390 по 1569 год / под ред. В. Антоновича, К. Козловского. Киев, 1868. X + II + 166 с.
69. Суляк С.Г. Русины Карпато-днестровских земель в молдавской средневековой дипломатике (общий обзор) // Русин. 2016. № 1 (43). С. 95–119.
70. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907. 309 с.
71. Корлэтяну Н.Г. К вопросу об изучении славяно-молдавских языковых взаимоотношений // Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения. Ч. 2 / редкол.: С.Г. Бережан, М.А. Габинский, Н.М. Печек, Р.Я. Удлер. Кишинев, 1967. С. 16–28.
72. *Densușianu O. Histoire de la langue Roumaine. Vol. 1. Les origins.* Paris: Leroux, 1901. XXXI, 510 s.
73. Асаки Георге. Напутное слово к «Истории Российской империи» / Георге Асаки. Исторические новеллы. Дневник молдавского путешественника: избр. ст. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. С. 149–151.
74. Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели: Исследования по неизданным источникам: в 3 т. Т. 1 / Изд. Галицко-русского общества в Петрограде. М., 1916. 304 с.

ON THE LANGUAGE OF THE SLAVONIC-MOLDAVIAN DOCUMENTS OF THE 14TH–17TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 4(42), 73–97. DOI: 10.17223/19986645/42/7

Sergey G. Sulyak, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Keywords: Moldavia, Rumania, Galician Rus', diplomacy, official language, Rusin language.

A review of the study of the official language of the Office of the Medieval Moldavian Principality is presented in the article. The history of the study of the official language of medieval Moldavian diplomacy began in the first half of the 19th century. It is connected to the name of the Rusin Iu. Venelin who collected and commented on the Wallachian and Moldavian Literary Documents published in 1840.

In 1905 the Russian Slavist I. Yatsimirskiy noted that the Wallachian and Moldavian documents written in Slavonic have a significant meaning in the study of the culture of the Principalities. While there are several thousands of such documents “the Wallachian are twice less than the Moldavian”.

The study of the Literary Documents and Acts of the Moldavian State was carried out by scholars from various countries – the largest of which are the works of prominent scholars of Russia/USSR, Austro-Hungary, Rumania, Moldavia and the Ukraine.

The research of the public figure of the Carpatho-Russian Rebirth Yakov Golovatskiy, the legal expert and historian V.A. Ulyanitskiy, the philologist-Slavist Bessarabians A.A. Kochubinskiy, P.A. Syrku and A.I. Yatsimirskiy, the Czech historian K.I. Jireček, the Polish Slavist E. Kałużniacki, the Slovenian linguist F. Miklosich, the Rumanian researchers I. Bogdan, A. Rosetti, I. Barbulescu, P. Panaitescu, D. Bogdan, the Soviet philologist M.N. Sergievskiy, his Moldavian colleagues N.G. Corlățianu, N.D. Raevskiy and many others made a substantial contribution to the study of the language of the written sources of medieval Moldavia.

The majority of the scholars held an opinion that the language of the Moldavian office was South-West Russian, that is, the language of the local Slavic population – the Rusins. Galician elements in the language were noted. Understandably to a lesser degree, there was an Old Bulgarian influence, and occasionally Moldavian lexicon was used.

The author comes to a conclusion that it was the language of the Rusins, the native population of the Carpatho-Dniestrovian Lands, that was the official language of Moldavia from the moment of its formation in the second half of the 14th to the beginning of the 18th centuries. This language had a great influence on the development of the Moldavian language. In the actual lexicon of contemporary Moldavian there are more than 2000 words of East Slavic origin.

The Rusin influence is traced through all of the Moldavian diplomacy of the 14th–17th centuries in various governmental documents (plaintive, dedications, confirmations, diplomatic immunity, judicial, security) and other administrative and state documents.

A further study of the culture and the official language of the medieval principality of Moldova, taking into account the interaction with the culture and language of the Rusins in the Carpatho-Dniestrovian Lands, can lead to new and interesting discoveries.

References

1. Grekul, F.A. (1961) *Agrarnye otnosheniya v Moldavii v XV - pervoy polovine XVII v.* [Agrarian relations in Moldova in the 15th – first half of the 17th centuries]. Kishinev: Kartya Moldovenyaske.
2. Grekul, F.A. (1950) *Sotsial'no-ekonomicheskii i politicheskii stroi Moldavii vtoroy poloviny XV veka* [Socio-economic and political system of Moldova the second half of the 15th century]. Kishinev: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Moldavii.
3. Yatsimirskiy, A.I. (1905) Valashskie gramoty v paleograficheskom i diplomaticheskom otnosheniyakh [Wallachian letters in paleographic and diplomatic relations]. *Russkiy filologicheskii vestnik*. 54:3. pp. 49–67.
4. Pop, I. (2006) *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Encyclopedia of Sub-Carpathian Rus]. Uzhgorod: Izd-vo V. Padyaka.
5. Venelin, Yu.I. (1840) *Vlakhobolgarskie, ili dako-slavyanskije gramoty, sobrannye i ob'yasnennye na izhdivenii Imp. Ros. akad. Yuriem Venelinym* [Vlach-Bulgarian, or Daco-Slav letters collected and explained by a dependent of the Imperial Russian Academy Yuri Venelin]. St. Petersburg: tip. Imp. Ros. akad.
6. Bernshteyn, S.B. (1948) *Razyskaniya v oblasti bolgarskoy istoricheskoy dialektologii* [Research in the field of Bulgarian historical dialectology]. Vol. I. Moscow: USSR AS.
7. Bogdan, D.P. (1962) Tri drevneyshikh slavyano-valashskikh gramoty [Three ancient Slavic-Wallachian documents]. In: Tikhomirov, M.N. (ed.) *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1960 god* [Archeographic Yearbook for 1960]. Moscow: USSR AS.
8. Academy of the Socialist Republic of Romania. (1966) *Documenta Romaniae Historica. Seria B: Țara Românească* [Documenta Romaniae Historica. Series B: Romanian Country]. Vol. 1. Bucharest: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
9. Academy of the Socialist Republic of Romania. (1975) *Documenta Romaniae Historica: A. Moldova* [Documenta Romaniae Historica: A. Moldova]. Vol. 1. (1384-1448). Bucharest: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
10. Ginkulov, A. (1840) *Nachertanie pravil valakhomoldavskoy grammatiki* [Inscription of rules of Wallachia and Moldova grammar]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akademii nauk.
11. Golovatskiya, Ya.F. (1868) Gramoty ugro-vlakhiskie i moldavskie (XV-XVI vv.) [Ugric-Vlach and Moldovan Documents (15th–16th centuries)]. In: *Letopis' zanyatiy arkheograficheskoy komissii (1865–1866)* [Annals of activities of the Archeography Committee (1865–1866)]. Vol. 4. II Materials. St. Petersburg: tipografiya A. Transhelya.
12. Murzakevich, N. (1848) Moldo-vlakhiskie gramoty, khranyashchiesya v Bessarabii [Moldovan-Vlach documents stored in Bessarabia]. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva lyubiteley istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. 2. pp. 562–567.
13. Murzakevich, N. (1853) Moldo-vlakhiskie gramoty, khranyashchiesya v Bessarabii [Moldovan-Vlach documents stored in Bessarabia]. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva lyubiteley istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. 3. pp. 248–268.
14. Murzakevich, N. (1858) Materialy dlya istorii Moldavii [Materials for the history of Moldova]. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva lyubiteley istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. 4. 1858. pp. 320–330.
15. Murzakevich, N. (1858) Moldo-vlakhiskie gramoty, khranyashchiesya v Bessarabii [Moldovan-Vlach documents stored in Bessarabia]. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva lyubiteley istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. 4. pp. 331–354.
16. Murzakevich, N. (1863) Moldo-vlakhiskie gramoty, khranyashchiesya v Bessarabii

[Moldovan-Vlach documents stored in Bessarabia]. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva lyubiteley istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. 5. pp. 838–841.

17. Ulyanitskiy, V.A. (1887) *Materialy dlya istorii vzaimnykh otnosheniy Rossii, Pol'shi, Moldavii, Valakhii i Tursii v XIV-XVI vv.* [Materials for the history of mutual relations between Russia and Poland, Moldavia, Wallachia and Turkey in the 14th–16th centuries]. Moscow: Univ. tip. (M. Katkov).

18. Kochubinskiy, A.A. (1889) Lapidarnye nadpisi XV st. iz Belgoroda, chto nyne Akkerman [Lapidary inscriptions of the 15th century from Belgorod that is now Ackerman]. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva lyubiteley istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. 15. pp. 506–547.

19. Kochubinskiy, A.A. (1903) Chastnye moldavskie izdaniya dlya russkoy shkoly (bibliograficheskie zametki) [Private Moldovan publications for the Russian School (bibliographical notes)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CCCXXXVII. June. pp. 389–418.

20. Syrku, P.A. (1906) Iz perepiski rumynskikh voevod s Sibinskim i Brashovskim magistratami. Teksty 28 slavyanskikh dokumentov valashskogo proiskhozhdeniya XV-XVII vv., gorodskikh arkhivov Sibina, Brashova i Bryukental'skogo muzeya v Sibine [From the correspondence of the Romanian governors with Sibin and Brashov magistrates. Texts of 28 Slavic documents of Wallachian origin of the 15th–17th centuries, City archives of Sibin, Brashov and Bryukental Museum in Sibin]. In: *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovestnosti Imperatorskoy Akademii nauk* [Collection of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. LXXXII:2. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk.

21. Yatsimirskiy, A.I. (1910) Yazyk slavyanskikh gramot moldavskogo proiskhozhdeniya [Language of Slavic documents of Moldovan origin]. In: Lamanskiy, V.I. (ed.) *Stat'i po slavyanovedeniyu* [Articles on Slavic studies]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk.

22. Yatsimirskiy, A.I. (1906) Moldavskie gramoty v paleograficheskom i diplomaticheskom otnosheniyakh [Moldovan documents in paleographic and diplomatic aspects]. *Russkiy filologicheskii vestnik*. 55:1–2. pp. 177–198.

23. Jabłonowski, A. (1878) *Sprawy wołoskie za Jagiellonów: akta i listy. Źródła dziejowe* [Wallachian case for Jagiellonians: records and lists. Historical sources]. Vol. 10. Warszawa: Gebethner i Wolff.

24. Safarik, P.J. (1847) *Slavyanskije drevnosti. Chast' istoricheskaya* [Slavic antiquities. Historical part]. Translated from Czech by O. Bodyanskiy. 2nd ed. Vol. 2. Book 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya.

25. Bogdan, I. (1891) Vechile cronice moldovenesci până la Urechia. Texte slave cu studiu, traduceri i note [Old Moldovan chronicles. Slavic study texts, translations and notes]. Bucharest: Lito-tipografia Carol Göbl.

26. Jireček, C. (1893) *Slavische Chroniken der Moldau* [Slavonic chronicles of Moldova]. Archive for Slavic philology. XV. Berlin.

27. Kałuźniacki, E. (1878) Dokumenta Moldawskie i Multańskie z archiwum miasta Lwowa [Moldovan and Multańskie documents of the archive of the city of Lviv]. In: *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowie w skutek fundacyi śp. Aleksandra hr. Stadnickiego. Wyd. staraniem Galicyjskiego Wydziału Krajowego* [Town and land laws from the times of the Polish-Lithuanian Commonwealth from the so-called Bernardine archive in Lviv founded by Count Alexander Stadnicki. Ed. by the efforts of the Galician National Department]. Vol. 7. Lviv.

28. Miklosich, F. (1861) *Die slavischen Elemente im Rumänischen* [The Slavic elements in Romanian]. Vienna: Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philos.-historische Klasse.

29. Cihac, A. (1879) *Dictionnaire d'étymologie daco-romane. Éléments slaves, magyars, turcs, grecs-moderne et albanais* [Daco-Roman etymology dictionary. Slavs, Magyars, Turkish, modern Greek and Albanian elements]. Frankfurt: Ludolphe St-Giar.

30. Bogdan, I. (1908) Über die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden [About the language of the oldest Moldovan certificates]. In: *Jagić-festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića* [A collection in memory of Vatroslav Jagić]. Berlin, Weidmann.

31. Bogdan, I. (1913) *Documentele lui Ștefan cel Mare* [Documents of Stephen the Great]. Vol. 1. Bucharest: Atelierele Grafice Socce & Co.

32. Bogdan, I. (1913) *Documentele lui Ștefan cel Mare* [Documents of Stephen the Great]. Vol. 2. Bucharest: Atelierele Grafice Sococ & Co.
33. Costăchescu, M. (1931) *Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare* [Moldavian documents before Stephen the Great]. Vol. 1. Iași: Viața Românească.
34. Rosetti, A. (1932) *Limba română în secolul al XVI-lea* [The Romanian language in the sixteenth century]. Bucharest: Cartea Românească.
35. Bărbulescu, I. (1929) *Individualitatea limbii române și elementele slave vechi* [Individuality of the Romanian language and ancient Slavic elements]. Bucharest: Editura Casei Școalelor.
36. Cartoian, N. (1980) *Istoria literaturii române vechi* [Old Romanian literary history]. Bucharest: Editura Minerva.
37. Panaitescu, P. (1932) *Alexandru cel Bun: la cinci sute de ani dela moartea lui* [Alexander the Good: five hundred years after the death]. Bucharest: Monitorul Oficial și Imprimeriile Statului. Imprimeria Națională.
38. Panaitescu, P.P. (1991) *Istoria românilor* [History of Romanians]. Chișinău: Logos.
39. Petrașcu, N.N. & Bezviconi, G.G. (1945) *Relatiile ruso-române* [Russian-Romanian relations]. Bucharest.
40. Bogdan, D.P. (1946) *Caracterul limbii textelor slavo-române* [The character language of Slavic-Romanian texts]. Bucharest.
41. Bogdan, D.P. (1958) Foneticheskie osobennosti yazyka slavyano-rumynskikh gramot XIV v. [Phonetic features of the language of Slav-Romanian documents of the 14th century]. *Romanoslavica*. II. pp. 55–75.
42. Shishmarev, V.F. (1952) Romanskii yazyki Yugo-Vostochnoy Evropy i natsional'nyy yazyk Moldavskoy SSR [Romance languages of South-Eastern Europe and the national language of the Moldavian SSR]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 80–106.
43. Buganov, V.I. (1982) Slavyano-moldavskie gramoty kontsa XV - pervoy chetverti XVII v. [Slavic-Moldavian documents of the 15th – first quarter of the 17th centuries]. In: Buganov, V.I. (ed.) *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii. Sbornik statey. 1981* [Source studies of national history. Digest of articles. 1981]. Moscow: Nauka.
44. Udal'tsov, A.D. (ed.) (1951) *Istoriya Moldavii* [History of Moldova]. Vol. 1. Kishinev: Shkola sovetei.
45. Cherepnin, L.V. et al. (eds) (1965) *Istoriya Moldavskoy SSR* [History of the Moldavian SSR]. Vol. 1. Kishinev: Kartya Moldovenyaske.
46. Tsaranov, V.I. et al. (eds) (1984) *Istoriya Moldavskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of the Moldavian SSR from ancient times to the present day]. Kishinev: Shtiintsa.
47. Sergievskiy, M.V. (1959) *Moldavo-slavyanskii etyudy* [Moldova-Slavic studies]. Moscow: USSR AS.
48. Il'yashenko, T.P. (1983) *Formirovanie romanskikh literaturnykh yazykov. Moldavskiy yazyk* [Formation of the Romance literary languages. The Moldavian language]. Kishinev: Shtiintsa.
49. Borshch, A.T. (1967) Staroslavyskiy yazyk kak komponent slavyano-romanskogo dvuyazychiya [Old Church Slavonic language as a component of the Slavo-Romanic bilingualism]. In: Berezhan, S.G. et al. (eds) *Vostochnoslaviano-moldavskie yazykovye vzaimootnosheniya* [East-Slavic and Moldovan language relationships]. Vol. 2. Kishinev: Kartya Moldovenyaske.
50. Eremiya, L.I. (1983) Ob etimologicheskoy interpretatsii moldavskikh toponimov slavyanskogo proiskhozhdeniya [On the etymological interpretation of Moldavian place names of Slavic origin]. In: Il'yashenko, T.P. (ed.) *Sotsial'no-istoricheskaya obuslovlennost' razvitiya moldavskogo natsional'nogo yazyka* [Socio-historical conditionality of the development of the Moldovan national language]. Kishinev: Shtiintsa.
51. Il'yashenko, T.P. (1970) *Yazykovye kontakty na materiale slavyano-moldavskikh otnosheniy. Kratkiy ocherk* [Language contacts on the material of Slavic-Moldavian relations]. Moscow: Nauka.
52. Kosnichyanu, M.A. (1983) Slavyanskoe vliyanie v antropimii i formirovanie moldavskoy derivatsionnoy sistemy [Slavic influence on anthroponyms and the formation of the Moldovan derivational system]. In: Il'yashenko, T.P. (ed.) *Sotsial'no-istoricheskaya obuslovlennost' razvitiya moldavskogo natsional'nogo yazyka* [Socio-historical conditionality of the development of the Moldovan national language]. Kishinev: Shtiintsa.
53. Korletyanu, N.G. (1983) *Moldavskiy yazyk segodnya* [The Moldovan language today]. Kishinev: Shtiintsa.
54. Raevskiy, N.D. (1988) *Kontaktele romanichilor reseriten' ku slaviy. Pe baze de date lingvistice*. Kishinev: Shtiintsa.

55. Stati, V.N. (2009) *Za nash moldavskiy yazyk. Istoricheskoe, sotsiolingvisticheskoe issledovanie* [For our Moldovan language. A historical sociolinguistic research]. Tiraspol: Benderskaya tipografiya "Poligrafist".
56. Bogdan, D.P. (1958) Foneticheskie osobennosti yazyka slavyano-rumynskikh gramot XIV veka [Phonetic features of the language of Slav-Romanian documents of the 14th century]. *Romanoslavica*. 2. pp. 55–75.
57. Semchins'kiy, S.V. (2004) Ukraïns'ko-rumuns'ki movni kontakti [Ukrainian-Romanian language contacts]. In: Rusanivs'kiy, V.M. et al. (eds) *Ukraïns'ka mova. Entsiklopediya* [The Ukrainian language. Encyclopedia]. 2nd ed. Kyiv: Vid-vo "Ukraïns'ka entsiklopediya" im. M.P. Bazhana.
58. Rusanivs'kiy, V.M. (2004) Zakhidnorus'ka pisemna mova [West-Russian written language]. In: Rusanivs'kiy, V.M. et al. (eds) *Ukraïns'ka mova. Entsiklopediya* [The Ukrainian language. Encyclopedia]. 2nd ed. Kyiv: Vid-vo "Ukraïns'ka entsiklopediya" im. M.P. Bazhana.
59. Rusanivs'kiy, V.M. (2001) *Istoriya ukraïns'koï literaturnoi movi. Pidruchnik* [History of the Ukrainian literary language. Textbook]. Kyiv: Artek.
60. Ohiyenko, I. (2001) *Istoriya ukraïns'koï literaturnoi movi* [History of the Ukrainian literary language]. Kyiv: Nasha kul'tura i nauka.
61. Gumetskaya, L.L. (1971) K voprosu o yazyke moldavskikh gramot XIV–XV vv. [On the issue of the language of Moldovan documents of the 14th–15th centuries]. In: Hejl, F. (ed.) *Otázky dějin střední a východní Evropy* [Issues in the History of Central and Eastern Europe]. Vol. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně.
62. Timochko, B. (2013) Slovníkový sklad ukraïns'ko-moldavskikh gramot XIV–XV st. i bukovins'ka dialektna leksika [The vocabulary of the Ukrainian-Moldovan documents of the 14th–15th centuries and Bukovynian dialect vocabulary]. *Naukoviy visnik Chernivets'kogo universitetu: Istoriya. Politichni nauki. Mizhnarodni vidnosini*. 676–677. pp. 12–16.
63. Rozov, V. (1928) *Ukraïns'ki gramoti* [Ukrainian documents]. Vol. 1. Kyiv: Z drukarni Ukraïns'koï Akademii nauk.
64. Rusanivs'kiy, V.M. (ed.) (1974) *Gramoti XIV st.* [Documents of the 14th century]. Kyiv: Naukova dumka.
65. Rusanivs'kiy, V.M. (ed.) (1965) *Ukraïns'ki gramoti XV st.* [Ukrainian documents of the 15th century]. Kyiv: Naukova dumka.
66. Sulyak, S.G. (2015) The Language of the Rusins of Bessarabia in the Works of the Pre-Revolutionary Ethnographers. *Rusin*. 3. pp. 14–24. (In Russian). DOI 10.17223/18572685/41/1
67. Zoltan, A. (2014) *Interslavica. Issledovaniya po mezhslavyanskim yazykovym i kul'turnym kontaktam* [Interslavica. Research on the Slav linguistic and cultural contacts]. Moscow: Indrik.
68. Antonovich, V. & Kozlovskiy, K. (eds) (1868) *Gramoty velikikh knyazey litovskikh s 1390 po 1569 god* [Documents of the Great Princes of Lithuania from 1390 to 1569]. Kiev: V universitetskoy tipografii.
69. Sulyak, S.G. (2016) Rusins of the Carpatho-dniestrovian lands in medieval moldavian diplomacy (a general review). *Rusin*. 1(43). pp. 95–119. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/7
70. Sobolevskiy, A.I. (1907) *Lektsii po istorii russkogo yazyka* [Lectures on the History of the Russian language]. 4th ed. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
71. Korletyanu, N.G. (1967) K voprosu ob izuchenii slavyano-moldavskikh yazykovykh vzaimootnosheniy [On the issue of studying the Slavic- Moldovan language relations]. In: Berezhan, S.G. et al. (eds) *Vostochnoslavyano-moldavskie yazykovye vzaimootnosheniya* [East-Slavic and Moldovan language relationships]. Vol. 2. Kishinev: Kartya Moldovenyaskie.
72. Densușianu, O. (1901) *Histoire de la langue Roumaine* [History of the Romanian language]. Vol. 1. Paris: Leroux.
73. Asachi, G. (1988) Naputnoe slovo k "Istorii Rossiyskoy imperii" [A foreword to the History of the Russian Empire]. In: Asaki, G. *Istoricheskie novelly. Dnevnik moldavskogo puteshestvennika. Izbrannye stat'i* [Historical novels. The diary of a Moldovan traveler. Selected articles]. Kishinev: Literatura artistike.
74. Aristov, F.F. (1916) *Karpato-russkie pisateli. Issledovaniya po neizdannym istochnikam. V 3 t.* [Carpatho-Russian writers. Research on unpublished sources. In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Tipografiya t-va Ryabushinskikh.